

Путь, истина и жизнь.

29 марта (10 апреля по Григорианскому календарю) 1884 г. Л.Н. Толстой пишет в своём дневнике:

„Две вещи мне вчера стали ясны: одна неважная, другая важная. Неважная: я боялся говорить и думать, что все 99/100 сумасшедшие. Но не только бояться нечего, но нельзя не говорить и не думать этого. Если люди действуют безумно (жизнь в городе, воспитание, роскошь, праздность), то наверно они будут говорить безумное. Так и ходишь между сумасшедшими, стараясь не раздражать их и вылечить, если можно. 2) Важная: Если точно я живу (отчасти) по воле Бога, то безумный, больной мир не может одобрять меня за это. И если бы они одобрили, я перестал бы жить по воле Бога, а стал бы жить по воле мира, я перестал бы видеть и искать волю Бога. Таково было твоё благоволение.“

Впоследствии эта мысль добавилась другой, её развивающей (в «Царстве Божиим внутри вас»):

„Устройство государственное таково, что, на какой бы ступени общественной лестницы ни находился человек, степень невменяемости его всегда одна и та же: чем выше он стоит на общественной лестнице, тем больше он подлежит воздействию требования распоряжений снизу и тем меньше подлежит воздействию предписаний сверху, и наоборот. ... Одни, те, которым внушено, что они облечены особенным, сверхъестественным значением и величием, так опьяняются этим своим

воображаемым величием, что перестают уже видеть свою ответственность в совершаемых ими делах; другие люди, те, которым, напротив, внушается то, что они ничтожные существа, долженствующие во всём покоряться высшим, вследствие этого постоянного состояния унижения впадают в странное состояние опьянения подобострастия и под влиянием этого опьянения тоже не видят значения своих поступков и теряют сознание ответственности в них. Серединные же люди, отчасти подчиняясь высшим, отчасти считая себя высшими, подпадают одновременно опьянению и власти и подобострастия и от этого теряют сознание своей ответственности.“

И вот этим людям, гордым своим умом, говорится: Спасение есть! Идите этим путём и все вы найдёте выход и спасётесь!

„Христос говорит, что принёс мир на землю (Иоан. XIV, 27): „Мир оставляю вам, мир мой даю вам, не так, как мир даёт, я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается“.

И вот эти пять заповедей его действительно дают этот мир людям. Все пять заповедей имеют только одну эту цель — мира между людьми. Стоит людям поверить учению Христа и исполнять его, и мир будет на земле, и мир не такой, какой устраивается людьми, временный, случайный, но мир общий, ненарушимый, вечный. ...

Заповеди мира, данные Христом, простые, ясные, предвидящие все случаи раздора и предотвращающие его, открывают это царство бога на земле. Стало быть, Христос точно мессия. Он исполнил обещанное. Мы только не исполняем того, чего вечно желали все люди, — того, о чём мы молились и молимся. ...

Отчего же люди не делают того, что Христос сказал им и что даёт им высшее доступное человеку благо, чего они вечно желали и желают? И со всех сторон я слышу один, разными словами выражаемый, один и тот же ответ: „Учение Христа очень хорошо, и правда, что при исполнении его установилось бы царство бога на земле, но оно трудно и потому неисполнимо“. ...

Если это слово: «трудно» понимать так, что трудно жертвовать мгновенным удовлетворением своей похоти большему благу, то почему же мы не говорим, что трудно пахать, для того чтобы был хлеб, сажать яблони, чтобы были яблоки? То, что надо переносить трудности для достижения большего блага, это знает всякое существо, одарённое первым задатком разума. И вдруг оказывается, что мы говорим, что учение Христа прекрасно, но что оно неисполнимо, потому что трудно. Трудно же потому, что, следуя ему, мы должны лишиться того, чего мы прежде не лишались. Мы как будто никогда не слышали того, что выгоднее иногда потерпеть и лишиться, чем ничего не терпеть и удовлетворять всегда свою похоть.

Человек может быть животным, и никто не станет упрекать его в том; но человек не может рассуждать о том, что он хочет быть животным. Как только он рассуждает, то он сознаёт себя разумным, и, сознавая себя разумным, он не может не признавать того, что разумно и того, что неразумно. Разум ничего не приказывает, он только освещает.

Я в темноте избил руки и колена, отыскивая дверь. Вошёл человек со светом, и я увидел дверь. Я не могу уже биться в стену, когда я вижу дверь, и ещё менее могу утверждать, что я вижу дверь, нахожу, что лучше пройти в дверь, но что это трудно, и потому я хочу продолжать биться коленками об стену.

В этом удивительном рассуждении: христианское учение хорошо и даёт благо миру; но люди слабы, люди дурны и хотят лучше делать, а делают хуже, и потому не могут делать лучше, — есть очевидное недоразумение.

Тут, очевидно, не ошибка рассуждения, а что-нибудь другое.

Тут, должно быть, какое-нибудь ложное представление. Только ложное представление о том, что есть то, чего нет, и нет того, что есть, может привести людей к такому странному отрицанию исполнимости того, что, по их же признанию, даёт им благо.

Ложное представление, приведшее к этому, есть то, что называется догматической христианской верой, — тою самою, которой с детства учат всех исповедующих церковную христианскую веру по разным православным, католическим и протестантским катехизисам.

Вера эта, по определению верующих же, есть признание существующим того, что кажется (это сказано у Павла и повторяется во всех богословиях и катехизисах как лучшее определение веры). И вот это-то признание существующим того, что кажется, и привело людей к такому странному утверждению того, что учение Христа хорошо для людей, но не годится для людей.“ («В чём моя вера?»)

„Учение Христа не годится, потому что не соответствует нашему индустриальному веку“, — наивно говорит Ингерзаль, выражая этим с совершенной точностью и наивностью то самое, что думают утончённо образованные люди нашего времени об учении Христа. Учение не годится для нашего индустриального века, точно как будто то, что существует индустриальный век, есть дело священное, которое не должно и не может быть изменено. Вроде того, как если бы пьяницы против советов о том,

как им привести себя в трезвое состояние, отвечали бы, что эти советы неуместны при их алкоголическом состоянии.

Рассуждения всех светских писателей, как русских, так и иностранных, как ни различен их тон и манера доводов, все в сущности сводятся к одному и тому же странному недоразумению, именно к тому, что учение Христа, одно из последствий которого есть непротивление злу насилием, непригодно нам, потому что оно требует изменения нашей жизни.

Учение Христа негодно, потому что, если бы оно было исполнено, не могла бы продолжаться наша жизнь; другими словами: если бы мы начали жить хорошо, как нас учил Христос, мы не могли бы продолжать жить дурно, как мы живём и привыкли жить. Вопрос же о непротивлении злу насилием не только не обсуждается, но самое упоминание о том, что в учение Христа входит требование непротивления злу насилием, уже считается достаточным доказательством неприложимости всего учения.“ («Царство Божие внутри вас»)

В фильме «Эзоп» (СССР, 1981 г.) по мотивам пьесы Гильерме Фигейредо «Лиса и виноград», Эзоп произносит речь о языке — самом прекрасном и самом ужасном даре людей. Филон Александрийский в трактате «О том, что худшее склонно нападать на лучшее» начинает его так:

„И сказал Каин Авелю, брату своему: "Выйдем на поле". И случилось, когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его" (Быт. 4:8). ... Но вот важнейший знак. Упражняющийся в знании, который воюет с противоположным состоянием — невежеством, всякий раз предстаёт взору на поле, когда он, вразумляя и умеряя неразумные

силы души, как бы пасёт их. Это явственно доказывает, что поле — знак соперничества.“

Далее он развивает мысль о деяниях языка, которым убивают и оживляют, и делает вывод о частой причине его негодного употребления — невозддержании:

„Тебе достался язык, рот и голосовые органы. Не болтай же что попало, в том числе и недозволенное. Ведь кое-где уместно молчание, и научившиеся говорить, как мне кажется, выучились и молчать, так как и то, и другое достигается одной и той же способностью. А те, кто произносят неподобающее, являют не силу в речах, а бессилие в молчании.“

Эта истина общеизвестна, она другими словами повторена в поговорке: Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Развязность в поведении и логическая бессвязность говоримого пьяными, т.е. опьянёнными властолюбием и безнаказанностью людьми, видны всем, кроме самих говорящих, но будучи многократно воспроизведены в средствах массового опьянения и осумасшедствления, развязность и бессвязность навязываются зрителям и слушателям как нормы правильной речи и поведения. Как писал Н.В. Гоголь в «Мёртвых душах»: „Как ни глупы слова дурака, а иногда бывают они достаточны, чтобы смутить умного человека.“

Состояние всеобщей невменяемости под влиянием опьяняющих проповедей лжепророков и лжеучителей предвещает Апостол Пётр:

„Также были в народе лжепророки, как и у вас будут лжеучителя, которые распространят пагубные ереси, отвергнув испуившего их Господа, и тем обрекут себя на скорую погибель. И многие последуют их разврату, которым будет поруган путь истины.“

Открывающие рот для того, чтобы произвести хулу на правду и истину, уподобляются Каину, замышляющему убить брата, но дело их тщетно, как поясняет Филон:

„Поэтому и следующие слова "восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его" (Быт. 4:8) лишь на первый взгляд подразумевают, что уничтожен Абель, а при более тщательном рассмотрении — что сам Каин уничтожен самим собой. Тем самым следует читать: "Восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил себя", — а не другого. Естественно, что с ним это случилось, так как душа, уничтожив в себе учение, любящее добродетель и Бога, уже не живёт добродетельной жизнью. Стало быть, Абель — и это удивительнее всего — и уничтожен, и жив; он уничтожен в рассудке безумца, но живёт в Боге счастливой жизнью. Свидетельством будет изречение оракула, где он, совершенно очевидно, обладает "голосом" и "вопиёт" о том, что он претерпел от подлого сородича. И правда, разве может разговаривать тот, кого уже нет?“

Хотя для христианина истина открывается явлением Иисуса Христа, однако не вся истина изложена в Новом завете, а лишь путь её постижения. Когда Фома спрашивает Иисуса: „Господи! не знаем, куда идёшь; и как можем знать путь туда?“ Иисус отвечает ему: „Я путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы

вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его.“

Как бы продолжая эту мысль, Л.Н. Толстой пишет (в «Царстве Божием внутри вас»):

„Люди говорят: «Чем мы будем обеспечены, когда уничтожится существующее устройство? Какие именно и в чём будут состоять те новые порядки, которые заменят теперешние? До тех же пор, пока мы не будем знать, как именно сложится наша жизнь, мы не пойдём вперёд и не тронемся с места».

Требование это подобно тому, которое заявил бы исследователь новых стран, потребовав подробное описание той страны, в которую он вступает.

Если бы жизнь отдельного человека при переходе от одного возраста к другому была бы вполне известна ему, ему незачем бы было жить. То же и с жизнью человечества: если бы у него была программа той жизни, которая ожидает его при вступлении в новый возраст его, то это было бы самым верным признаком того, что оно не живёт, не движется, а толчётся на месте.

Условия нового строя жизни не могут быть известны нам, потому что они должны быть выработаны нами же. Только в том и жизнь, чтобы познавать неизвестное и сообразовать с этим новым познанием свою деятельность.“

В нынешних условиях всеобщего ослепления и заблуждения приходится повторять известное и сказанное прежде: Все кризисы – политический, экономический, образовательный, нравственный, – лишь следствия одного

конституционного кризиса, **выход** из которого предлагается. Воспользуйтесь **выходом**, вместо того чтобы коллективно биться головой о стену !

